

Л. Любимов

РЕДИ СОКРОВИЩ

ЭРМИТАЖА

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЗНАНИЕ

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

1961

СЕРИЯ VI

Л. ЛЮБИМОВ

СРЕДИ СОКРОВИЩ ЭРМИТАЖА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Москва

1961

Автор
Лев Дмитриевич Любимов

Редактор **С. А. Николаева**
Техн. редактор **Е. В. Савченко**
Корректор **Н. Н. Огородникова**
Обложка художника **А. П. Кузнецова**

Слано в набор 23/XI 1961 г. Подписано к печати 8/XII 1961 г. Изд. № 255.
Формат бум. 60×92¹/₁₆. Бум. л. 1,25. Печ. л. 2,5 Уч.-изд. л. 1,86 + вкл. 0,25.
А11513. Цена 10 коп. Тираж 48 000 экз. Заказ 3632.

Типография изд-ва «Знание». Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.

Из семи чудес света, которыми гордился древний мир, уцелели только египетские пирамиды. Войны, стихийные бедствия, смена культур, подчас сопровождавшаяся беспощадной борьбой, а главное — забвение, равнодушие к прошлому обратили в прах статую Зевса, изваянную в V веке до нашей эры великим Фидием, висячие сады Семирамиды, памятники Вавилона и многие еще прекраснейшие создания человеческого гения. Но современное человечество стремится спасти от гибели, собрать и изучить памятники прошлых культур, чтобы мы и наше потомство могли насладиться ими.

Советский народ вправе гордиться тем, что среди знаменитейших сокровищниц культуры, крупнейших музеев мира одно из первых мест принадлежит нашему Эрмитажу.

«Восьмое чудо света!» — так наследники античной цивилизации не раз называли самое замечательное из вновь созданного человеческими руками во славу культуры, искусства. Несметны сокровища Эрмитажа! Подлинно как «восьмое чудо» света раскинулся Эрмитаж на берегу Невы, в великом городе-герое и городе-музее, ибо сам Ленинград — несравнимый памятник культуры, один из красивейших в мире городов.

И еще следует сказать, что Эрмитаж не только наше самое богатое собрание памятников искусства и культуры других народов, но в целом и величайший памятник советской культуры, сохранившей лучшее в наследии прошлого, чтобы передать это наследие новому, коммунистическому обществу.

Об этой миссии, которую призван выполнять и с блеском выполняет наш Эрмитаж, хочется напомнить этим беглым очерком.

* *
*

Начнем с Особой кладовой, — не из-за сенсационного характера этого собрания, а потому что, как нам кажется, оно сразу же утверждает некоторые очень существенные, а в данном случае ключевые положения.

Как только вы входите в Особую кладовую, вас буквально ослепляет блеск золота. Золото сверкает, струится, переливается жарким пламенем со всех сторон. Это прямо-таки сказочно, умопомрачительно. Вы ошеломлены сиянием золотых блях, пластинок и диадем, как, впрочем, часто бывают ошеломлены впервые посещающие Эрмитаж несравнимой роскошью самой его дворцовой обстановки. А затем, всмотревшись в выставленные предметы, вы испытываете гораздо более глубокое и радостное волнение, ибо перед вами не просто драгоценности, но прежде всего великие творения искусства, чья притягательная сила покоряет каждого.

Подлинное греческое пластическое искусство почти не дошло до нас; мы судим о нем главным образом по позднейшим римским копиям. Но в Особой кладовой Эрмитажа оно сияет полным блеском, ибо здесь хранится самая богатая в мире коллекция греческих ювелирных изделий, которые, несмотря на миниатюрные размеры, порой передают мощь и непревзойденное совершенство погибших прообразов.

Вот, например, знаменитые височные подвески с горделиво холодной и величаво прекрасной головой Афины Паллады, изваянной Фидием. Статуя погибла, и эти подвески — лучшее сохранившееся ее отображение. В них дыхание Эллады той блаженной поры, когда греческое искусство достигло самого высокого расцвета. Или феодосийские серьги с быстро скачущей квадригой, управляемой Никой, богиней победы (IV век до н. э.). Какая монументальность и какой динамизм в конях и бурной богине! Золотой гребень из кургана Солоха со сражающимися варварами. Ясное в своей стройности, соразмерности видение Парфенона, скульптурного фриза его, — полногласный отзвук искусства того же великого Фидия. Это тоже высокое греческое искусство, но уже на службе у меценатов из варварской знати (равно как и знаменитая ваза из скифского кургана Куль-Оба).

Почему же именно в нашем Эрмитаже оказалось самое значительное в мире собрание золотых изделий древних греческих мастеров? А потому, что причерноморские греческие колонии были очень богаты благодаря хлебу, вывозимому ими из близлежащих плодородных земель; скифы, населявшие эти земли, вступали с греками в теснейшее общение, приобретали у них — опять же за хлеб — драгоценные изделия, да и сами заказывали их греческим мастерам. В самой Греции подобные драгоценности были впоследствии расхищены или переплавлены, а на нашей земле сохранились в поразительном изобилии в греческих и скифских погребениях.

Итак, богатство, внешний блеск, с которыми не может сравниться ни один другой музей. Уникальные собрания произведений искусства, сохранившихся в силу особых причин не на своей родной земле, а на нашей, куда они были доставлены в

обмен на плоды ее богатой природы и труда ее населения. Широкое русское собирательство прошлых веков. Дальнейшее обогащение Эрмитажа в советское время путем сосредоточения в нем старых разрозненных собраний и новых поисков, которые, как увидим дальше, приводили не раз к открытию новых, дотоле неизвестных культурных миров. Благоприятное влияние широкой демократизации богатейшего собрания красивых вещей на вкус, на общее культурное развитие советского человека.

Дворцовая роскошь Эрмитажа особенно поражает иностранцев, сравнивающих его с другими знаменитыми европейскими музеями.

Роспись, лепка, позолота, наборные паркет, мозаика, бронза, хрусталь, вазы, колонны, изготовленные на русских гранитных фабриках (Колыванской, Екатеринбургской и Петергофской), русские самоцветы, малахит, лазурит, яшмы, порфир, агаты, орлец, переливающиеся то густо-синими теплыми тонами с золотыми искорками, то сверкающим черным, то золотисто-зеленым «бархатным», — все создает впечатление какого-то сказочного великолепия.

А причудливый Павильонный зал, из которого открывается вид на Висячий сад, одну из главных достопримечательностей екатерининского Петербурга! А лоджии Рафаэля — точное и единственное воспроизведение знаменитых римских росписей, ныне крайне поврежденных, что придает нашим особую ценность! И как не прийти, например, в изумление перед самой большой из всех каменных ваз—Колыванской «вышиной в три аршина, семи аршин в поперечнике, весом более тысячи двухсот пудов», изготовленной из зеленоватой волнистой яшмы?

Но исключительность эрмитажной обстановки не исчерпывается красотой и богатством покоев. Великолепно, незабываемо и «окружение» Эрмитажа.

Когда, нагнавшись на лучистую адриатическую красоту таинственной «Юдифи» Джорджоне, вы переводите дыхание в радостном утомлении, перед вами через широкие окна открываются серые воды Невы и за ней панорама «Северной Пальмиры» с ростральными колоннами и стройным силуэтом Петропавловской крепости. А из окон залов, где сияет французская классика XVII и XVIII веков, вы видите громадный желтый ансамбль площади с аркой Главного штаба, великое творение того стиля «ампир», который только в Петербурге нашел подлинный простор и подобающий ему грандиозный размах.

В годы Великой Отечественной войны в эти великолепные эрмитажные здания, творение знаменитейших зодчих, попали две авиабомбы и тридцать два артиллерийских снаряда. Во

время осады Висячий сад был превращен в огород. И только лоджии Рафаэля да вделанные в стены итальянские фрески еще оставались в залах картинной галереи, до конца представляя под огнем фашистских варваров одно из величайших собраний мировой живописи. В страшные зимы блокады весь Эрмитаж как бы превратился в грандиозный ледяной дворец. Холод, один холод царил в его опустевших покоях. Ночью в гуле разрывов короткие вспышки озаряли белизну кое-где еще возвышавшихся статуй античных богов и богинь; они вздрагивали от ударов, и иней сыпался с них. С фонариками, в валенках тенями проходили по залам музейные хранители. Эрмитаж не сдавался, упорно боролся за жизнь, как и весь огромный город. В зиму 1942 года чествовали в нем юбилейную годовщину великого азербайджанского поэта Низами. А в 1944 году, когда беда миновала, в Эрмитаже была устроена выставка произведений искусства, которые не были эвакуированы.

Эвакуация 1941 года — одна из самых волнующих страниц в истории музея. В первую же неделю войны все самое ценное было увезено в далекий тыл. В эту неделю две тысячи пятьсот четыре ящика, наполненные сокровищами великих культур, покинуло Эрмитаж. Один миллион семьсот тысяч экспонатов было отправлено на Урал. Вся эта операция была произведена с исключительной тщательностью и быстротой: время не ждало, ведь уже в сентябре фашисты находились на подступах к Ленинграду.

А в первый год победы, 10 октября 1945 года, все эвакуированные ценности были возвращены в Эрмитаж.

В отделе истории первобытной культуры работают научные сотрудники, среди которых есть подлинные энтузиасты, сроднившиеся с Эрмитажем за долгие годы работы.

Давно уже, еще со времен первой пятилетки, эти люди в каждодневной работе добиваются того, чтобы при грандиозных новостройках нашей эпохи, когда вверх дном переворачиваются целые пласты земли, возможно больше кубометров культурного слоя было бы так или иначе прощупано, «протестировано» археологами. О каждом черепке (а черепки — азбука археологии), обнаруженном в земле, следует сообщать в соответствующие инстанции. И вот, например, результат — выставленный в залах отдела полный набор орудий литейного производства, относящийся к концу второго тысячелетия до нашей эры, найденный при строительстве Сталинградской ГЭС в погребении мастера-литейщика.

Вот кажущаяся с первого взгляда уродливой женская статуэтка из бивня мамонта. Ей около сорока тысяч лет, и по

месту находки ее называют Костенковской или Воронежской Венерой.

Это первое известное нам творение рук человеческих, прославляющее «вечную женственность», материнское начало, прародительница всех венер и мадонн, которыми мы будем любоваться в Эрмитаже.

Эрмитаж обладает самым богатым собранием скифских древностей. И весь этот мир кочевников, обильно проливавших кровь в постоянной борьбе за скот, ярко встает перед нами в залах музея. Серебряная ваза из Чертомлыцкого кургана — шедевр мирового значения. Контур вазы, ее пропорции, вереница фигур, ее украшающих, — все это вершины искусства. Во всем чувствуется ровное, чистое и юное дыхание Эллады. Но люди, на ней изображенные, — это скифы «с раскосыми и жадными очами», и не будь этой вазы, не было бы, вероятно, и знаменитых блоковских стихов.

А дальше — Пазырык. Перед нами один из забытых миров, открытых советскими археологами.

Раскопки огромных курганов Восточного Алтая в урочище Пазырык, на высоте 1 600 метров над уровнем моря, чрезвычайно обогатили Эрмитаж. Экспозиция, устроенная всего несколько лет назад, включает самый древний из дошедших до нас ворсовых, шерстяных ковров — V—IV веков до н. э. (до этого самым древним считался ковер XIII века н. э.); относящиеся к этому же времени самые древние художественные изделия из дерева и войлока; самую древнюю китайскую ткань; самую древнюю колесницу.

В чем секрет этих находок? Почему именно раскопки Алтайских курганов дали такой материал? Исключительно благодаря вечной мерзлоте: глубокие могилы были заполнены чистым льдом, сохранившим ткани, войлок и дерево, от которых в других условиях почти ничего не остается в земле.

М. П. Грязнов, которому мы обязаны многими из выставленных находок, с увлечением рассказывает о необычных условиях, в которых производились раскопки (не лопата и нож, а ведро и теплая вода были главными орудиями археолога среди льда), о великой радости, испытанной им при виде чудесно сохранившихся памятников высокого и неведомого искусства, о кропотливой работе по реконструкции войлочных полотнищ (валявшихся в разобранном виде) и колесницы (тоже разобранной на части), о строении которой ничего не было известно; сейчас она возвышается в Эрмитаже как замечательный прообраз средств передвижения, придуманных в последующие тысячелетия людьми.

Тут и огромный сруб, в котором был похоронен вождь, и высохший его почерневший труп (труп жены его или наложницы, вместе с ним похороненной и, очевидно, с этой целью убитой, не выставлен, так как он оказался изуродованным —

вероятно, грабителями, побывавшими в могилах), и трупы его боевых коней прекрасной породы, напоминающей нынешнюю ахал-текинскую.

Какая же все-таки это культура? Можно ответить самым общим образом: культура ранних кочевников-скотоводов, распространявшаяся от Дуная до Китайской стены. Но здесь, на Востоке, в отличие от Юго-Запада, где она соприкасалась с эллинской, эта культура тесно переплеталась с культурой народов Азии.

Много пишется и много еще будет писаться о том, в чем проявляется в искусстве этих племен влияние Ирана, Средней Азии и Китая, в чем они самобытны, какие предметы приобрели у других народов и какие изготовили сами, во что веровали, на каком языке говорили, когда в точности появились и когда исчезли. Все это пока не разрешенные вопросы. Но перед нами памятники, и они поразительны сами по себе.

Войлочное полотнище шатра покрывает стену от пола до потолка, производя впечатление огромной росписи. Но это цветные аппликации: гордые всадники перед сидящими загадочными богинями. Замечательное чувство композиции, декоративности! Мы чувствуем, что здесь изображен величественный эпос.

Но, быть может, еще более изумительны мелкие предметы. Крохотный деревянный олень с рогами, вырезанными из кожи, которые больше его самого и составляют поразительной мощи гармонический ажурный узор; какая монументальность в этой фигурке в двенадцать сантиметров, какое глубокое чувство пропорций, какое доведенное до совершенства соотношение отдельных частей, составляющих неповторимое в своей самобытности единое целое! И все это создано две с половиной тысячи лет назад людьми, которые не знали и тысячной доли того, что знаем мы о законах природы, но отображали ее со всей свежестью и остротой своего непосредственного восприятия, в самом этом отображении видя, очевидно, магическое средство проникновения в ее сокровенную сущность, средство познания и овладения. И опять-таки какая горделивая отвага в этих фантастических конских намерениях — головах оленя или грифона, превращающих коня в некоего таинственного и смелого бога! Какая острота, экспрессивность во всех этих деревянных, кожаных и цветных войлочных украшениях, чепраках, сбруйных и поясных бляхах, в аппликациях со вставками литого золота, меха, крашеного конского волоса, изображающих, например, голову оленя в клюве грифона, рогатого волка, фантастического петуха, горного козла, крылатого тигра или тигра, терзающего лося в стремительно неудержимом, беспощадном порыве! А сколько изящества, арахийской неги в войлочных лебедях, служивших украшением шатру!

Достаточно посетить в Эрмитаже эти семь залов, посвященных древнему искусству Алтая, чтобы унести с собой неповторимо прекрасное видение мира.

Суровая природа Алтая сохранила эту красоту. Люди нашей страны, нашей эпохи раскрыли ее, обогатив культурное достояние всего человечества.

Когда советского ученого, который одним из первых проник в этот мир прошлого, спрашивают: все ли уже раскопано на Алтае, хранит ли эта земля еще подобные сокровища, М. П. Грязнов отвечает:

— О, это непочатый край. На Алтае еще около девяноста невоскрытых курганов!

Отдел культуры и искусства античного мира обладает прекрасным собранием античной скульптуры, включающим первоклассные произведения (как, например, знаменитая «Таврическая Венера», приобретенная при Петре I). Но все же в целом это собрание не из самых богатых в Европе. Некоторые же другие собрания античного отдела Эрмитажа занимают среди мировых сокровищниц искусства совершенно исключительное место.

Так, Эрмитаж обладает не только самым богатым собранием греческих ювелирных изделий, но и одной из замечательнейших коллекций греческих и итальянских ваз (включающей знаменитую Кумскую вазу, или «Царицу ваз» — непревзойденное по своему совершенству художественное произведение), крупнейшими собраниями терракотовых статуэток из Танагры, резных камней, римских скульптурных портретов и постоянно пополняющимся благодаря новым раскопкам совершенно уникальным ансамблем памятников искусства и культуры из античных городов Северного Причерноморья.

Возникшее в конце V века до н. э. Боспорское рабовладельческое государство со столицей Пантикапеей, на чьем месте ныне находится Керчь, оставило нам в своих курганах памятники самого высокого искусства. Нет в мире более замечательного собрания греческих расписных ваз IV века до н. э., чем эрмитажное, и собрание это составлено из находок в погребениях Керченского полуострова (так что в специальной литературе аттические вазы этого времени часто обозначаются как керамика «Керченского стиля»). Курганы Боспорского царства дали Эрмитажу несравненное собрание не только золотых изделий и ваз, но и серебряной утвари, бронзовых украшений и поразительные, уникальные деревянные саркофаги. Всему этому богатству может позавидовать любой музей Европы или Америки.

Есть свидетельства, что в самих Афинах народ возводил статуи боспорским правителям в благодарность за присылаемый хлеб. Урожаем нашей земли мы обязаны, значит, и эти сокровищами, охраненным этой же землей от гибели.

Фанагорийским сфинксом, знаменитой жемчужиной Эрмитажа, фигуркой, представляющей собой флакон для духов, удивительно сохранившей окраску и найденной вместе с другими фигурными вазами в могиле греческой девушки, жившей в конце V века до н. э. в Фанагории, можно любоваться вновь и вновь. Какое несказанное очарование в этом фантастическом существе, ласковом и мечтательном, с нежным румянцем и темно-синими глазами, образ которого запоминается навсегда!

Да, конечно, это тоже вершина искусства.

Советская археология стремится не только обнаружить в античных городах уникальные произведения, но и воссоздать картину жизни всего их населения, показать развитие местной культуры, переплетающейся с греческой, но имеющей собственные корни, и исследовать во всей полноте социально-экономическую историю этих городов.

Разделы, посвященные Нимфею и Ольвии, являются во многом плодом этих усилий.

Вся история Ольвии, основанной в VI веке до н. э. греками из Милета и разрушенной в IV веке н. э. кочевниками, встает в Эрмитаже, с ее взлетами и падениями, в сложнейшем переплетении греческих и местных влияний и многими характерными чертами быта смешанного греко-скифского населения.

Раскопки греческих городов в Северном Причерноморье чрезвычайно обогатили наши представления о классической культуре в одном из самых оригинальных ее разветвлений, связанном с историей нашей страны. Если вы зададите сотрудникам отдела тот же вопрос, что и М. П. Грязнову перед памятниками Пазырыкских курганов: все ли уже раскопано, выяснено? — Что вы! — ответят они в свою очередь. — И на наших внуков хватит...

...В залах, где выставлена скульптура древнего Рима, отовсюду смотрят на вас властные, величавые, часто грубые, самоуверенные, порой сумрачные или устало рассеянные лики владык античного мира. Многие поразительно индивидуальны, так что сразу угадываешь характер. Почему так богато эрмитажное собрание римской портретной скульптуры? Трудно отделаться от мысли, что русские вельможи XVIII века, заказывавшие Шубину свои мраморные изображения, собиравшие римские бюсты и любившие украшать ими свои покои и парки, видели во всех этих консулах и сенаторах какой-то вожденный образец: они ведь мечтали о «Третьем Риме»!

Не хочется расставаться с античным отделом, не остановившись еще на одном явлении: хорошо, что школьные круж-

ки, работающие при Эрмитаже, так много внимания уделяют греческой скульптуре. Приятно смотреть на этих мальчиков и девочек в красных галстуках, старательно, с детским воодушевлением копирующих собранные здесь образцы древнего искусства. Люди, у которых с детских лет воспитывается чувство прекрасного, приученные к непосредственному, свежему восприятию красоты, способны проявить себя создателями и проводниками нового, по-новому воспринимающего жизнь, действительно современного искусства, наследующего великим эпохам прошлого.

От античного отдела, то есть отдела древней западной культуры, естественнее всего перейти к наиболее значительному и прославленному отделу истории западноевропейского искусства, картинная галерея которого считается одной из первых в мире.

Ядро этой знаменитой галереи составилось при Екатерине II, основательнице Эрмитажа, скупавшей за границей не только отдельные произведения, но и целые коллекции. Крупнейшие приобретения были сделаны также в XIX веке.

О росте же Эрмитажа после Октябрьской революции можно судить по следующим цифрам: в 1917 году в нем насчитывалось шестьсот семьдесят три тысячи семьсот девятнадцать памятников, а к сорокалетию Октября — два миллиона триста шестьдесят тысяч двести девять (с тех пор это число еще возросло).

При этом площадь Эрмитажа, в который был включен весь Зимний дворец, увеличилась почти в пять раз!

Расширение Эрмитажа было достигнуто путем передачи ему ряда музейных собраний и множества предметов из царских резиденций и частных коллекций. История русских художественных собраний после революции — славная для нашего народа, как свидетельство высокой сознательности революционных масс.

В 1918 году иностранцы и спекулянты всех мастей скупали в Петрограде за гроши художественные произведения, а представители бывших правящих классов, собираясь в эмиграцию, захватывали что могли из имевшихся у них художественных ценностей. Но этому был положен конец декретом Совета Народных Комиссаров о регистрации, принятии на учет и сохранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений. Тут сыграли огромную роль личное вмешательство В. И. Ленина и исключительная, согретая пламенной любовью к искусству забота А. В. Луначарского.

Приехавший в сентябре 1920 года в Петроград английский писатель Герберт Уэллс включил в свою знаменитую книгу «Россия во мгле» следующие знаменательные строки:

«Все, что признано произведением искусства, экспертная комиссия для большей сохранности отбирает и заносит в каталог. Дворец, в котором помещалось британское посольство, похож сейчас на битком набитую антикварную лавку... Мы обошли одну за другой все комнаты, загроможденные великолепною рухлядью, оставшейся от старой России. Там есть большие залы, заставленные скульптурой; в жизни я не видел столько беломраморных венер и силовид в одном месте, даже в музее Неаполя. Картины всех жанров сложены штабелями, коридоры до самого потолка забиты инкрустированными шкафчиками. Одна комната заполнена ящиками со старыми кружевами, в другой — горы роскошной мебели. Вся эта масса вещей пронумерована и внесена в каталог».

Так революционный народ спасал художественное достояние России.

Растущее богатство Советского государства обеспечивает дальнейшее обогащение художественного фонда страны, который всем советским народом расценивается как национальное достояние, национальная гордость. И все эти ценности открыты сейчас самым широким народным массам в соответствии с историческим постановлением VIII съезда партии в марте 1919 года о необходимости «открыть и сделать доступными для трудящихся все сокровища искусства, созданные на основе эксплуатации их труда и находившиеся до сих пор в исключительном распоряжении эксплуататоров».

Цари и вельможи собирали широко, но бессистемно. Мировое значение эрмитажной галереи западной живописи не столько в ее полноте, сколько в богатстве отдельных «ансамблей» или иногда даже в отдельных произведениях, представляющих исключительную ценность.

Наше собрание итальянского искусства XIII—XV веков включает прекрасные образцы творчества таких мастеров, как Симоне Мартини, Беато Анджелико, Филиппино Липпи, Перуджино, Лоренцо Коста, Франча, Чима да Конельяно. В целом Эрмитаж все же отстает в этом разделе от многих других галерей мира. Зато он вносит ценнейший вклад в изучение творчества двух знаменитых художников, с которых в сущности и начинается Высокое Возрождение, то есть кульминация того периода в развитии культуры, который Энгельс характеризует как «величайший прогрессивный переворот, пережитый до того человечеством».

Нельзя сказать, чтобы две жемчужины Эрмитажа, которые называются «Мадонна с цветком» и «Мадонна Литта», давали полное представление о Леонардо да Винчи — одном из величайших гениев всей истории человечества, который видел в живописи средство проникновения в тайну материи для полного ее раскрытия и преображения. Но ведь, кроме полуразрушенной фрески в Милане и знаменитых луврских картин, почти ничего не осталось от его творчества.

Интересна судьба «Мадонны с цветком». В начале прошлого века в Астрахани бродячий итальянский музыкант продал частному коллекционеру совершенно почерневшую и крайне записанную икону, в которой затем опознали раннее произведение Леонардо, считавшееся утерянным.

Каждый раз перед этой картиной испытываешь чувство трепетного восхищения: все тут так просто, так ясно и в то же время бесконечно сложно, как сама природа, как жизнь. В поисках вещей законов бытия автор ее был первым художником, который, покончив со средневековой скованностью, научился творить в совершенной свободе, как бы утверждая мягкой гаммой света и тени слияние человека с природой и власть его над ней в потенциальном раскрепощении всех его возможностей, как у этой юной, шаловливой матери, почти ребенка, которая с полной непринужденностью может встать, повернуть голову куда хочет, радостно улыбнуться нам и снова отдать себя всю ласковой игре с сыном, таким крепким уже и властным....

Печать гения Леонардо, его «дымку», в которой как бы растворяется видимый мир, улыбку, одновременно мудрую, лукавую, насмешливую и манящую, которая одинаково играет на лицах его мадонн и итальянских дам, христианских святых и античных богов и чарующе разливается по всем его композициям, можно проследить и в ряде картин его учеников или подражателей, составляющих в Эрмитаже очень ценное собрание круга Леонардо.

Современник Леонардо, который произвел в венецианской живописи такую же революцию, как сам Леонардо в живописи Тосканы и Ломбардии, художник, чья жизнь нам почти неизвестна, прозванный Джорджоне (что значит «большой Джорджо») «за величие духа», представлен в Эрмитаже всего одной вполне достоверной картиной. Но опять-таки дело в том, что картин Джорджоне не больше десятка, а наша — совершенно замечательная и, по мнению некоторых знатоков, является «ключевой» для понимания всего его творчества. Это уже упомянутая «Юдифь», одна из самых известных картин Эрмитажа.

Ясный гений Рафаэля, ярче всего выразивший в искусстве гуманистический идеал абсолютно гармоничного, во всем соразмерного и прекрасного человека, представлен в Эрмитаже

лишь очаровательной юношеской картиной — знаменитой «Мадонной Конестабиле» и «Мадонной с безбородым Иосифом». Но этот гений светится также в великолепной мраморной группе «Мальчик на дельфине», исполненной Лоренцо Лоренцетти по рисунку Рафаэля, и в девяти фресках его школы.

Титан Возрождения Микеланджело тоже присутствует в Эрмитаже, и это тем знаменательнее, что почти вся живопись его и скульптура — в Италии, так что (за исключением рисунков) ни богатейшие музеи Германии, ни крупнейшие собрания Америки, ни знаменитые галереи Вены и Мадрида не обладают его творениями. В эрмитажном «Скорчившемся мальчике», изваянном Микеланджело из бесформенной глыбы мрамора, казавшейся непригодной для обработки, тот же грандиозный пафос страданий, тот же пафос борьбы человека за раскрепощение, тот же глубокий трагизм и то же максимальное напряжение душевных и физических сил, что и в знаменитых луврских «Рабах».

В Эрмитаже можно увидеть и Андреа дель Сарто, и великого Корреджо и еще многих других живописцев этого золотого века искусства.

Прекрасно собрание венецианской живописи. Есть залы Эрмитажа, которые даже в туманные ленинградские дни озарены солнечным небом Венеции, его пламенной, словно вином напоенной синевой.

Великий Тициан, творец самой радостно торжественной и, быть может, самой насыщенной, полноценной живописи, основа которой — цвет и которая сияет и переливается на его полотнах, как некая новая, человеку покорная стихия, представлен в Эрмитаже несколькими оригинальными произведениями. Две эрмитажные картины Тициана известны всему свету: «Каящаяся Магдалина» и «Святой Себастьян»; обе — хотя их и разделяет десятилетие — написаны на закате жизни, когда художник (гений которого не ослабел и в девяносто лет) достиг предельной власти над цветом, — мог уже им одним строить композицию, столь же безупречную и пластичную, как рафаэлевские. Вглядитесь в эту бесподобную тициановскую «пластику цвета»: в ней основа живописных исканий Рембрандта и Рубенса, Веласкеса и Гойи, Ватто, барбизонцев и импрессионистов, нашего Серова.

Щемящее горе тициановской «Магдалины» как бы утопает в красоте живописи, и потому эта картина так привлекает посетителей Эрмитажа, трогает их сердца.

Венецианская живопись XVI века полно собрана в Эрмитаже: здесь и певец венецианского великолепия гениальный Веронезе, его большие и малые композиции, в том числе один из его шедевров — «Оплакивание Христа»; и «венецианский Микеланджело» великий Тинторетто, представленный монументальными картинами.

ментальной картиной; и «венецианский Рафаэль» Себастьяно дель Пиомбо (три из лучших его творений). А сколько утренней свежести, радостной торжественности в огромной картине Скиавоне, которая справедливо считается одним из самых замечательных образцов венецианской пейзажной живописи!

В итальянских залах Эрмитажа множество мелкой пластики и предметов прикладного искусства: ткани, расписные сундуки, эмали, венецианское стекло, медали. Но особенно замечателен большой зал, витрины которого переливаются яркими желто-коричневыми тонами с синевой, — это одно из богатейших в мире собраний итальянской майолики, в котором имеются работы славнейших мастеров из всех центров ее производства.

Эрмитажный «ансамбль» итальянского сеиченто, то есть XVII века, — один из самых замечательных в мире.

Во времена Екатерины художники болонской школы были в моде, и их в общем холодная, академическая, угождавшая церкви и аристократии, а сейчас мало кого радующая живопись собрана у нас очень полно. Тут все итальянские «академики» и другие мастера этого периода. Особенность эрмитажного собрания состоит в том, что они представлены в нем едва ли не самыми удачными своими работами.

Не менее богато показано в Эрмитаже и другое направление, породившее несколько подлинных живописцев и утвердившее в истории мирового искусства славу сеиченто.

Прежде всего Караваджо, титан реализма, первый художник, заявивший, что идеал живописи — это красота действительности. Влияние Караваджо на все дальнейшее развитие живописи было, как известно, громадным. Эта могучая живительная струя, питавшаяся идеей, рождаемой новыми народными движениями, в конце концов одолела художников, которые в погоне за официальным признанием губили свой дар в иссушающем подражательстве. В «Девушке с лютней» — прекрасном раннем произведении Караваджо — сразу же поражает конкретность, так сказать «осязаемость», изображенного; вместе с яркими контрастами света и тени, придающими композиции еще большую экспрессивность, что и явилось его новым словом в искусстве.

Эрмитажу принадлежат несколько картин другого неукротимого бунтаря против засилья «академиков», Сальватора Розы, в том числе один из его шедевров — «Портрет бандита». Но особенно богат наш музей той прекрасной живописью сеиченто, которая развила венецианскую традицию цвета как основу картины: великолепно представлены Строцци, Фетти (такими шедеврами, как «Исцеление Товита» и «Портрет актера»), Креспи Маньяско, работавший на грани XVII и XVIII веков.

Столь же блестящ и эрмитажный «ансамбль» итальянско-

го XVIII века — того века, когда уже только Венеция достойно несла знамя великого итальянского искусства. Гениальный Тьеполо, разукрасивший столько дворцов и соборов, последний выразитель сияющего адриатического великолепия, представлен восхитительной небольшой картиной и шестью грандиозными композициями, а Гварди, певец венецианской улицы, в картинах которого движется, живет собственной жизнью самая крохотная фигурка, — чудесными видами его родного города.

Эрмитаж вправе гордиться своим собранием испанской живописи. Эта живопись, долго не признававшаяся севернее Пиренеев, раскрывается во всей своей славе только у себя на родине. Вне же Испании наше собрание — одно из самых богатых, а быть может, и богатейшее.

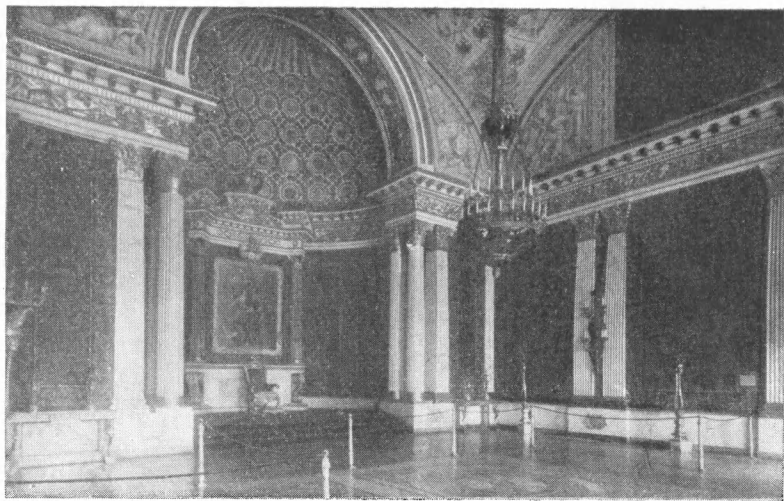
Простота, выразительность, реализм, глубокая внутренняя серьезность и страстность, порой доходящая до экзальтации, определяют содержание испанской живописи, в которой религиозный фанатизм, разжигаемый инквизицией, отражен параллельно со здоровым, чисто народным мироощущением какого-нибудь Санчо Пансы.

Эта живопись настолько своеобразна, что, попадая после Италии в два зала, где выставлены испанцы, сразу чувствуешь себя совершенно в иной стихии, а чисто испанская гамма оливковых, черных или глубоких синих тонов (в которых строго-торжественно играет порой золото или серебро) властно притягивает глаз, заставляя на время забыть обо всем виденном прежде.

Испанский XVI век у нас количественно не богат. Две скорбные «Мадонны» Моралеса, капитальная картина знаменитого Эль Греко «Апостолы Петр и Павел», в которой столь характерные для него экзальтированная напряженность, удлиненность фигур, извилистость контуров, щемящая экспрессивность и широкая, великолепная, от Тициана идущая живопись.

В хорошо собранной живописи XVII века отметим четырех главнейших мастеров.

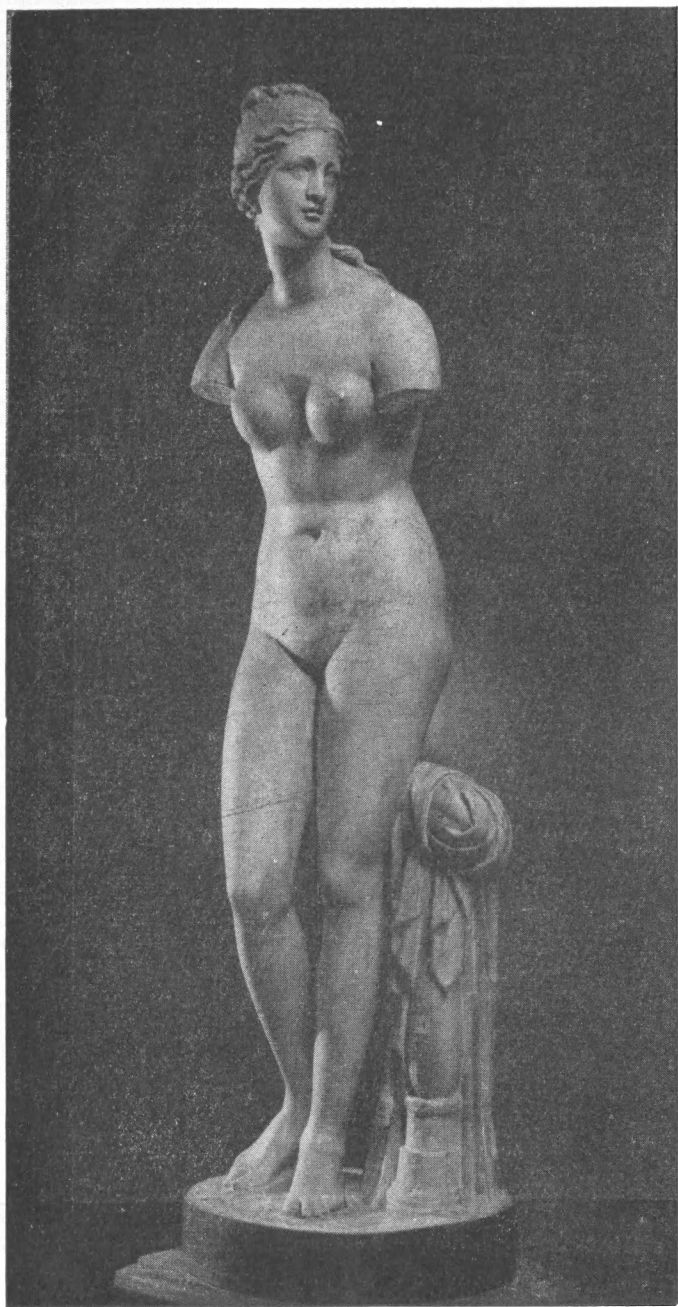
Репин писал, что «Рибера и Мурильо вне музея Прадо лучше всего узнать в Эрмитаже». И не подлежит сомнению, что эрмитажное собрание испанской живописи оказало большое влияние на развитие русского реалистического искусства XIX века. Рибера — это продолжение Караваджо, но продолжение более страстное, одухотворенное. Из тьмы черного фона выступают под снопами света человеческие тела, написанные с таким вдохновением, что художник и впрямь предстает

Петровский зал.

Серебряная амфора для вина. Чертомлыцкий курган. IV в. до н. э.

Статуя Афродиты, так наз. «Венера Таврическая». III в. до н. э.

Гейнсборо. Портрет герцогини де Бофор.

М. В. Ломоносов. Портрет Петра I. Мозаика

Часть фризa здания из Айртама. Начало I в.

Рембрандт. Даная.

Иорданс. Бобовый король.

Леонардо да Винчи. Мадонна с цветком.

Ренуар.
Девушка с веером.

Пикассо.
Любительница абсента.

перед нами как соперник натуры. В лучшей эрмитажной картине Риберы фигура лежащего без чувств святого Себастьяна зачаровывает зрителя своей красотой. И какой драматизм, какая страсть!

В Эрмитаже одно из самых выдающихся произведений Сурбарана — «Святой Лаврентий». Это монументальнейший образ, исполненный простодушной и пламенной веры, а все видение мира в картине крепкое, конкретное, от земли идущее.

О Веласкесе, достигшем невиданных дотоле вершин в создании и подчинении себе живописной стихии, Эрмитаж дает лишь отрывочное представление. В испанском зале есть ранний «Завтрак», в котором, однако, уже выявлены и апофеоз реализма, и вся сущность той «вещественности», которую более двух веков спустя Сезанн провозгласил идеалом изобразительного искусства, придав ей самодовлеющее значение. Живописное мастерство Веласкеса столь всеобъемлюще, что у него учились и русские реалисты XIX века, и Сезанн, и, пожалуй, больше всего французские импрессионисты. Поясной «Портрет графа Оливареса» — великолепный, как все портреты Веласкеса, — это уже вполне зрелое произведение мастера.

Мурильо пользовался некогда самой громкой славой, затем его разлюбили и обвинили в «слащавости». Но в наши дни он снова признан одним из замечательнейших живописцев всех школ и времен. Исключительно полное эрмитажное собрание его картин, в котором есть такие великие творения живописи, как «Отдых на пути в Египет», «Благословение Иакова Исааком» или «Мальчик с собакой», подтверждает правильность этой оценки.

Эрмитажное собрание французского искусства поистине грандиозно. Это прекраснейший памятник во славу французской культуры и одновременно наглядное свидетельство того исключительного места, которое она занимала в культурной жизни самой России.

Полнее, чем где бы то ни было вне Франции, экспозиция раскрывает перед нами дух французского искусства, творческую силу французского народа. Это относится в первую очередь к XVII и XVIII векам. Две параллельные анфилады залов Зимнего дворца: первая, посвященная живописи и скульптуре, а вторая — прикладному искусству, — один из самых замечательных и прославленных художественных ансамблей Эрмитажа. От шедевров живописи и скульптуры здесь переходишь к изумительному собранию мебели, шпалер, фарфора, бронзы, часов, вееров, табакерок, миниатюр — всего, что изо-

щенная культура Франции создавала в то время, вызывая восхищение и подражание во всей Европе. Это в подавляющем большинстве императорские заказы или приобретения русского двора и русских вельмож. В самой Франции множество сокровищ прикладного искусства погибло во время революции, и потому приезжающие к нам французские искусствоведы не скрывают своего изумления перед таким изобилием: «Боже, как богат Эрмитаж!» И в самом деле, в Эрмитаже имеются редкости, которых нет даже в Лувре.

История французской живописи не отмечена такими головокружительными дерзаниями, как творчество Микеланджело или Тициана, Рубенса или Рембрандта. Но между тем если другие знаменитые европейские школы развивались лишь в течение какого-то определенного времени, после которого мельчали, выдыхались и утрачивали свое мировое значение, Франция начиная с XV века непрерывно рождала первоклассную живопись. Причем во всей этой живописи легко проследить некую общую художественную линию, отражающую эстетическую культуру народа: это, во-первых, органическое ощущение возможностей, которые таит в себе живописная стихия, — отсюда неувядающее чувство цвета, рисунка, композиции; во-вторых, тоже неизменное чувство изящного, чувство меры и внутреннего равновесия и сдержанная, но очень глубокая и волнующая поэзия.

Какое мягкое, обволакивающее поэтическое настроение и какой добротный «крестьянский» реализм в «Семействе молочницы» Луи Ленена! Какая величественность, какая эпическая размерность и какая чудесная живопись в таких мировых шедеврах, как «Пейзаж с Полифемом», «Снятие с креста», «Танкред и Эрминия» Пуссена, да и во всем его творчестве, которое от начала до конца так богато представлено в Эрмитаже! Знаменитая серия Клода Лоррена — «Утро», «Полдень», «Вечер», «Ночь», как и все его одиннадцать картин в Эрмитаже, где с ним можно познакомиться лучше, чем в Лувре, — опять-таки дышит самой высокой поэзией, героической, но одновременно сладостной и умиротворяющей. Ватто (в Эрмитаже семь абсолютно достоверных его картин) создает полные содержания образы, отмеченные печалью и смехом, нежной иронией и очаровательной грацией, и в то же время его картины (как, например, «Затруднительное предложение» или «Военный роздых») — чудеснейшие «куски живописи». И той же живописной струей, еще конкретнее запечатлевающей все, что окружает человека, проникнут переход от аристократического века к буржуазному в картинах изумительного колориста Шардена в его «Натюрморте» или таких сценах, изображающих простых людей третьего сословия, как «Прачка» или «Молитва перед обедом».

Почти вся французская живопись XVII и XVIII веков по-

казана в Эрмитаже. Тут и академические композиции, и замечательная картина реалиста Валантена, прекрасное по подбору собрание Буше, нежные пасторали и великолепные портреты прославленных мастеров, такие знаменитые картины, как «Поцелуй украдкой» Фрагонара, «Танцовщица Камарго» Ланкре или «Мальчик с книгой» Перроно, и даже сладкий Грез представлен подлинно очаровательными творениями. Наконец, русские портреты Натье и Токке, воскрешающие наш XVIII век, и вереница архитектурных пейзажей бесподобного певца античных руин и римских вилл Гюбера Робера, которыми тоже, вероятно в мечтах о величии, равном древнему Риму, так любили украшать свои дворцы екатерининские вельможи...

Целый зал Пуссена, целый зал Лоррена, а всего двадцать четыре зала, наполненные сокровищами французской живописи, скульптуры (среди которых такой шедевр, как «Вольтер» Гудона, прекрасные работы Фальконе и многих других) и бесчисленными памятниками французского прикладного искусства XV—XVIII веков!

Да, действительно сказочное богатство.

* *
*

Только Рогир ван дер Вейден да так называемый Мастер Флемальского алтаря достойно представляют у нас начальный этап той великой живописи, которая родилась в XV веке в Нидерландах, быстро достигла невиданного расцвета и с тех пор наравне с живописью Италии давала в течение почти трех столетий непревзойденные образцы живописного воплощения видимого мира.

Эта живопись Севера, не питавшаяся в отличие от живописи Италии традициями античного мира, тоже освободилась в ту пору от застывших канонов средневековья и решительно вступила на путь реализма. Сложный процесс ее развития в следующее XVI столетие (когда вырабатывался синтез всецело самобытного мироощущения и нахлынувших итальянских влияний) может быть прослежен в Эрмитаже полнее. У нас есть прекрасные картины, как, например, монументальное «Исцеление Иерихонского слепого» Луки Лейденского — произведение выдающееся, при этом исключительно ценное, так как картины этого крупного мастера — очень большая редкость.

Но все это не идет ни в какое сравнение с тем блеском, с каким показан в Эрмитаже фламандский и голландский XVII век.

Фландрия, мир Рубенса. Это бурная радость бытия, в котором человек, возвышаясь своей царственной силой над природой, составляет с ней единое целое, так что почти одинако-

вая стихия владеет им и всем, что его окружает на земле. И мир этот воплощается в пышные и торжественные формы, иногда как будто бы грубые, но всегда исполненные покоряющей мощи: искусство барокко, доведенное титаном живописи до апофеоза.

Эрмитажное собрание произведений Рубенса (сорок две картины) одно из самых значительных в мире: в нем представлены лучшими образцами все периоды его творчества, все жанры — большие религиозные и мифологические композиции, декоративная живопись, пейзаж, портрет. При этом у нас имеются картины (принадлежащие к самым выдающимся в творчестве Рубенса), которые великий художник написал, не подчиняясь ничьему заказу и выполняя все сам от начала до конца, как, например: «Персей и Андромеда», где фламандская пышность смягчается исключительно благородной, размеренной композицией, «Подношение Церере», где рубенсовская кисть достигает небывалой виртуозности, создавая небольшой цветовой гаммой настроение удивительной праздничности, или «Вакх», дородность и плотолобие которого — самая гениальная, вероятно, гипербола, рожденная этой кистью. Наше собрание включает ряд эскизов Рубенса (для картин и декоративных арок); в них его живописное мастерство проявилось с полной свободой: эскизы эти, часто более совершенные, чем сами картины, для которых они писались, в своей совокупности опять-таки гордость Эрмитажа.

Одна из эрмитажных картин Рубенса занимает совершенно особое место в его огромном художественном наследстве: это погрудный портрет камеристки инфанты Изабеллы, правительницы Нидерландов. «Живописец королей и король живописцев», как его называли, отошел здесь от всякой помпезности, парадности: изобразил простую девушку так естественно и задушевно, что создал образ, исполненный неповторимого очарования. От этой картины, насыщенной теплом и светом, легкие воздушные краски которой опережают самые смелые искания конца XIX века, трудно оторваться, и сама девушка, на ней изображенная, становится нам близкой, навсегда памятной.

Собрание картин ван Дейка, одного из величайших портретистов, роскошная кисть которого часто не уступает рубенсовской («Семейный портрет», «Портрет И. Рококса», «Автопортрет», а всего двадцать шесть произведений), тоже одно из самых богатых в мире, оно дает полное представление как о его фламандском, самом полнокровном периоде, так и английском, более аристократическом и холодном.

Иорданс буквально сияет в Эрмитаже своей сказочной крепостью, прямо-таки лоснящимся здоровьем: из восьми его наших картин по меньшей мере три — шедевры («Бобовый король», «Семейный портрет», «Автопортрет в кругу семьи»).

Вот она вся — тучная, самодовольная, предающаяся радостному чревоугодию бюргерская Фландрия!

Броувер, острый, темпераментный живописец кабацкой божемы и крестьянских драк, о котором можно спорить, только гений он или «почти гений», представлен тремя картинами, из которых одна («Флейтист») — подлинная вершина его живописного мастерства.

Особенно следует отметить один зал этого раздела, оставляющий неизгладимое впечатление. Вся стена его занята двумя рядами больших картин, совокупность которых создает поразительный ансамбль, исполненный самого подлинного пафоса. А между тем сюжеты этих картин вовсе не «высокого стиля». Верхний ряд — звериные сцены де Воса. Какой размах в композиции и какая декоративность! Нижний — знаменитые «Лавки» Снейдерса: рыбная, дичи, фруктовая, снова рыбная и т. д. Какой могучий торжественный гимн плодам земли, какая широкая палитра и какая монументальность!

Эрмитаж развернул здесь грандиозную панораму декоративно-монументальной живописи Фландрии XVII века, основное содержание которой — щедрость и буйная сила природы. Перед этой панорамой зверей и мертвой природы так же захватывает дух, как перед самой замечательной соборной или дворцовой росписью.

Голландская живопись по существу, пожалуй, еще более реалистична, чем фламандская. Обретя независимость, отвергнув католицизм, развиваясь вполне самобытно и достигнув поразительного экономического подъема, Голландия стала первоклассной морской державой, соперницей Англии, сильным, богатым бюргерским государством, доступным прогрессу и проникновению демократических идей; по словам Маркса, она являлась «образцовой капиталистической страной XVII столетия». Впоследствии реакция снова восторжествовала, но одно время голландский бюргер был действительно выразителем передового начала в экономическом и культурном развитии тогдашней Европы. И этому бюргеру, довольному собой, своими успехами и своим благосостоянием, очень понравился тот конкретный мир, в котором он вырос и нашел удовлетворение всем своим потребностям. Голландская реалистическая живопись родилась от желания запечатлеть этот мир во всех его подробностях, воспеть в красках его многообразие без всяких прикрас, так как в них не было необходимости, пользуясь навыками, выработанными очень глубокой, двухвековой живописной культурой.

Эта живопись, пожалуй, собрана в Эрмитаже даже богаче, чем французская. Лишь два пробела: отсутствуют дивный художник Вермеер Дельфтский и одареннейший К. Фабрициус. Но, за этими исключениями, нет, быть может, ни одной галереи (даже в самой Голландии), где голландская живопись

была бы так широко и ярко представлена во всех ее течениях, нюансах, при этом такими шедеврами, как в нашем Эрмитаже. Ее реализм прельщал русских художников и русских собирателей. Один из наших самых замечательнейших живописцев Федотов проводил целые дни в голландских залах Эрмитажа, а прославленный географ, путешественник и знаток искусства П. П. Семенов-Тянь-Шанский выискивал по всей Европе голландские картины, чтобы елико возможно заполнить все имевшиеся пробелы в уже тогда колоссальном эрмитажном собрании, которому он и продал свои находки за полцены. Наконец, после революции множество голландских картин хлынуло в Эрмитаж из собраний других знатоков.

В качественном отношении эрмитажное собрание Рембрандта, вероятно, стоит на первом месте в мире. Искусство этого гения представлено шедеврами, отражающими весь его творческий путь. Здесь двадцать три его картины, а кроме того, исключительное по полноте и подбору собрание офортов. При этом две картины, шедевры из шедевров, которыми Эрмитаж вправе так же гордиться, как Дрезденская галерея «Сикстинской Мадонной», а Лувр — «Джокондой», подводят как бы итог достижениям Рембрандта: первая — в радостный полдень жизни, вторая — в старости, почти накануне смерти.

Рембрандт написал «Данаю», когда ему было тридцать лет и слава и любовь улыбались ему. Эта картина — гимн счастью, полновластно врывающемуся в золоте ослепительных лучей, которые озаряют все тело, всю душу молодой женщины, не очень красивой, но бесконечно пленительной в этот блаженный миг ожидания. Во всей мировой живописи нет, вероятно, более волнующего в своей сокровенной радости образа, более яркого воплощения сбывающейся надежды на счастье.

«Возвращение блудного сына» — последнее великое и, быть может, величайшее творение Рембрандта, венец всей его жизни, отмеченной после счастья обидами, враждебностью социальной среды, одиночеством, почти нищетой. И это творение дышит не злобой, а внутренним покоем, выражает не ожесточение, а любвеобильную силу, рожденную сознанием правоты.

Эта величественная картина буквально потрясает многих посетителей Эрмитажа. Вот, например, пожилая женщина, по виду колхозница. Сначала она слушала экскурсовода с простодушным любопытством, очевидно очень заинтересованная волнующим сюжетом. Но экскурсовод хорошо, с чувством объяснял смысл композиции, силу, с которой игра света выявляет величие жеста всепрощающего отца, склонившегося над своим блудным, но столько горя натерпевшимся сыном, указывал на стоптанную туфлю этого сына, на ступню его, которая одна уже под кистью Рембрандта выражает целую трагедию, на то, как выступают серо-желтые блики его рубища, на

черты отца, одни из самых значительных во всем мировом искусстве. И вот у этой женщины что-то вдруг — видимо, очень глубоко — отозвалось в душе, и на глазах ее появились слезы. Слезы сочувствия изображенному горю и слезы радости, которую дает высокое искусство. Эта колхозница лучше понимала в это мгновение живопись Рембрандта, чем те самодовольные голландские бюргеры, которые отвернулись от него, потому что он не захотел их писать принаряженными и ликующими.

В Эрмитаже имеются и другие поразительные композиции Рембрандта («Флора», «Снятие с Креста», «Давид и Ионафан», гениальное «Святое семейство»). А писанные им портреты — чаще всего простых людей, пожилых, умудренных опытом и долгим раздумьем, как бы памятники целой жизни, — представляют в совокупности едва ли не самое замечательное в мире собрание его портретной живописи. Искусство Рембрандта — увенчание всей голландской живописи, но одновременно и нечто превосходящее всю ее по своей значимости: в его искусстве можно распознать черты чуть ли не каждого из талантливейших голландских живописцев, но в их творчестве нет ни путей, ни троп к достигнутым Рембрандтом вершинам.

Другой гений, Франс Гальс, менее «исключительный», чем Рембрандт (не знавший его взлетов и глубин), но властью над чисто живописной стихией предвосхитивший самого Веласкеса, ярко раскрывается в двух великолепных эрмитажных портретах, исполненных великим художником на склоне лет.

Так называемые «малые голландцы» — это художники, которые, избрав себе каждый в общем довольно узкую специальность, сумели в картинах небольшого формата (предназначавшихся для относительно скромных бюргерских, а то и фермерских жилищ) извлечь из нее максимальный живописный эффект. Их отличительная черта — непосредственность восприятия, сочетающаяся с зорким глазом, умением облюбовать какой-то «кусочек действительности» и цепко выхватить его, чтобы претворить в чудесный «кусочек живописи».

Таковыми, например, художниками были, мы бы сказали, «светские бытовики», запечатлевшие сцены уютно-изящной бюргерской жизни, бесхитростные по сюжету, но переданные с беспредельной любовью к тонким сочетаниям тонов бархата и парчи, игре света, подчеркивающей выразительность лиц, с поразительной наблюдательностью и прямо-таки волшебной иллюзорностью. Стен (один из самых одаренных жанристов во всей истории живописи) остро запечатлевает сцены часто самые обыденные, иногда забавные, разыгрывающиеся в «злачных местах», и, поражая то блеском своего юмора, то иронией, то смелостью композиции и всегда блеском палитры,

создает такие замечательные образцы станковой живописи, как «Гуляки», «Игра в трик-трак», «Больная и врач».

Адриан ван Остаде — крупнейший «бытовик», но не «светский», а «крестьянский» — с неизъяснимым очарованием и острым живописным темпераментом передает простой, грубоватый быт тружеников полей, как бы сросшихся с почвой, которую они возделывают (в Эрмитаже двадцать четыре его картины, в их числе первоклассные).

Великолепно представлены и другие замечательные живописцы, чье творчество знаменует первый расцвет «чистого пейзажа», — Гойен, поэт песчаных дюн и однообразных голландских равнин; тончайший колорист Соломон ван Рейсдаль, умеющий пронизать игрой света все ту же «будничную» природу страны; Арт ван дер Нер, поэт лунных ночей над реками и каналами Голландии с темными мельницами, как бы наполняющими все полотно ровным шумом своих огромных крыльев. Какая нежная, подлинно сыновняя любовь к родной природе, к родной стране и какая задушевная и глубоко трогаящая поэзия в этой чисто реалистической живописи! Но это еще не весь голландский пейзаж. Работавший несколько позднее А. Кейп заливает родные пастбища солнечным светом, еще больше выделяющим желтый цвет тучных коров, возвышающихся, как торжественные монументы, в его композициях. Потер, изумительный анималист, представлен у нас самой знаменитой своей картиной «Ферма» и другими первоклассными работами, Яков Рейсдаль, чье творчество — увенчание всей голландской пейзажной живописи XVII века, так как поэзия и непосредственное восприятие сочетаются у него с высоким пафосом, величественной композицией. Эрмитаж дает о нем исчерпывающее понятие десятью чудесными картинами, среди которых мировой шедевр — «Болото».

Мы можем любоваться в Эрмитаже творчеством многих других голландских мастеров. Тут и художники моря, воспевавшие не только бурную стихию, но и ее покорителей: стройные силуэты судов под голландским флагом, вереницы мачт и вздувшиеся паруса; и мастера так называемого «архитектурного пейзажа», живописцы чистеньких, чуть вычурных, но всегда уютных голландских городских ансамблей; и мастера натюрморта, создатели бесчисленных «завтраков» с сочными розовыми окороками, золотистыми лимонами, морем пропитанными устрицами, не монументально торжественных, как фламандские, но, пожалуй, еще более живописных, дразнящих глаз, обоняние и вкус.

Русское собирательство не проявило должного интереса к немецкой живописи, и потому даже национализация частных

собраний не могла пополнить по-настоящему этот пробел Эрмитажа: из крупных мастеров XVI века хорошо представлены только Кранах.

Английская школа, расцветшая в позапрошлом столетии и тогда же давшая миру новое, самобытное и замечательное искусство, отражена в Эрмитаже собранием хоть и небольшим, но совершенно исключительным по подбору; вне Англии оно, несомненно, занимает одно из первых мест. У нас есть несколько шедевров этой самой юной из больших западноевропейских школ: Гейнсборо — «Портрет герцогини де Бофор» (один из прекраснейших женских портретов Эрмитажа); Рейнольдс — «Геракл, удушающий змей» (огромная композиция, написанная по заказу Екатерины II, пожелавшей иметь такое аллегорическое изображение мощи юной России), его же исполненная самой сладостной неги «Венера», для которой будто бы позировала знаменитая леди Гамильтон; Рейберн — «Портрет миссис Бетюн»; Ромней — изумительный «Портрет миссис Грир», которого одного было бы достаточно, чтобы выявить перед нами самобытную струю, внесенную английской живописью; Лоуренс — «Портрет леди Ранглан», а пейзажи Морланда, особенно «Приближение грозы», показывают, каким новым вкладом в искусство явилось английское здоровое и в то же время глубоко эмоциональное романтическое восприятие родной природы.

Эрмитажное собрание западноевропейского прикладного искусства от раннего средневековья до начала XIX века, вероятно, не имеет равного в мире. Фонды Эрмитажа позволяют устраивать выставки самого разнообразного характера (как, например, довоенная, посвященная шахматам, с участием отделов Запада и Востока, на которой были показаны шахматные фигуры всех времен и народов).

По качеству изделий наше собрание французского серебра является первым в мире. В конце царствования Людовика XIV почти все художественное серебро было переплавлено на монету; в результате у нас больше французских серебряных изделий XVII века, чем в самой Франции. Знаменитый «Орловский сервиз», заказанный Екатериной II в Париже, — это самый крупный в мире ансамбль художественного серебра XVIII века. Собрание немецкого серебра XV и XVI веков тоже исключительно богато. Стоящий в Петровском зале Эрмитажа трон Петра I — шедевр английского серебряных дел мастерства.

Эрмитажное собрание шпалер (в частности, gobelенов, многие из которых исполнены по русским заказам) славится на

весь мир. Все знаменитые французские мебельщики представлены в Эрмитаже своими лучшими работами. В эрмитажном собрании фарфора есть образцы всех мануфактур Западной Европы.

* *

*

Французская, да и вообще европейская живопись первой половины XIX века коллекционировалась у нас бессистемно. Отметим в эрмитажном собрании великолепный «Портрет графа Гурьева» Энгра и два замечательных «африканских» этюда Делакруа.

Зато последующий период, ознаменованный во Франции революцией против академизма и закончившийся полной победой направления, которое возглавлял Курбе с плеядой прославленных пейзажистов («барбизонцев»), показан гораздо полнее и ярче. Самого Курбе только одна картина, одна картина и Милле. Но Коро с его серебристой дымкой предстает перед нами во всем своем неповторимом очаровании (восемь картин), так же как все те художники, которые в лесу Фонтенбло, в знаменитом с тех пор местечке Барбизон, по-новому увидели природу, как бы «услышав» шелест листьев и все шорохи таинственной жизни, творящейся под ветвями: Теодор Руссо, Добиньи, Дюпре, Диаз.

Знаменитая галерея генералов, участников Отечественной войны 1812 года, кисти англичанина Доу представляет собой грандиозный ансамбль портретов, какого, пожалуй, нигде нет в мире. Эта галерея, входящая ныне в раздел «Героическое военное прошлое русского народа», — величественный памятник как русской военной славы, так и английского живописного мастерства.

Есть еще раздел, по которому одно из первых мест в мире занимает Эрмитаж — во всяком случае Эрмитаж совместно с московским Музеем изобразительных искусств. Это раздел той французской живописи, которая полвека тому назад считалась новейшей, а теперь уже прочно вошла в сокровищницу мирового искусства и дала ряд прославленных мастеров, которыми Франция законно гордится.

Те волны света, мимолетные видения мира, которыми обогатили искусство Моне и Ренуар, Сислей и Писсаро, яркая красочность Гогена, острый лаконизм Марке, живописные эффекты Боннара и Вьюара, пьянящая декоративность Матисса, огромное дарование и новаторские поиски молодого Пикассо — все это радостно сияет в Эрмитаже. При этом Моне и Ренуар, Сезанн и Гоген представлены полотнами, пользующимися мировой славой. У нас лучшие картины Пикассо так называемых «голубого» и «розового» периодов. А о высших до-

стижениях Матисса, вероятно, нигде, нельзя себе составить такого понятия, как в Эрмитаже.

* *

*

Огромное эрмитажное собрание графики во многом заполняет пробелы в экспозиции живописи. Но, кроме этого, а также своих собственных художественных достоинств, печатная графика, рассчитанная на широкое распространение и охотно откликающаяся на злобу дня, интересна как наглядная иллюстрация социальных сдвигов, общественной жизни страны и эпохи. Так, превосходным подбором гравюр ярко отражена в Эрмитаже Великая французская революция, с исключительной остротой запечатлена в литографиях Домье и Гаварни социальная борьба XIX века, а в листах Валлоттона, Мазерееля, Стейнлена — революционные настроения начала нынешнего века, зреющий протест народных масс.

Исключительно богат и отдел рисунков (около сорока тысяч листов). Альбом с восемьюстами пятьюдесятью этюдами Калло — это исполненные жизни и выразительности маленькие фигурки, которыми знаменитый французский гравер так щедро населял свои композиции. Нигде нет такого полного собрания этих зарисовок, легших в основу всего графического творчества Калло. Эрмитаж обладает самым большим собранием рисунков Греза, одним из самых больших Тьеполо, а также Рубенса.

* *

*

Отдел Востока создан в Эрмитаже в 1920 году. Задача его — показать огромный вклад народов Востока в сокровищницу мировой культуры, наглядно опровергающий расистские теории о якобы вечном и неоспоримом культурном главенстве западноевропейских народов. В настоящее время эрмитажное собрание памятников восточного искусства столь же величественно, как собрание западного отдела, а в некоторых своих частях не имеет равного в мире.

Своего нынешнего, действительно колоссального богатства оно достигло в советское время. При основании отдела в нем было немногим больше шести тысяч предметов, а к сороковой годовщине Октябрьской революции — почти сто тридцать пять тысяч! И этот грандиозный рост неуклонно продолжается.

Начнем с зарубежного Востока.

Великое искусство древнего Египта представлено таким шедевром Среднего царства, как статуя фараона Аменемхета III из черного гранита, которая принадлежит к самым со-

вершенным образцам египетской пластики, множеством замечательных памятников и знаменитыми папирусами, донесшими сквозь тысячелетия классические произведения египетской литературы. В целом, однако, это собрание уступает ряду других в Европе и, в частности, собранию московского Музея изобразительных искусств.

Эрмитажное собрание византийского искусства является одним из лучших в мире.

Целая галерея икон вдохновенного, порой гениального письма. Вот оно, звено между утраченной живописью великого Апелеса и живописью нашего великого Рублева, мастеров Новгорода, Москвы, Пскова, которая являет миру последний ответ родоначального для всей европейской художественной культуры греческого искусства!

Великолепное собрание изделий из слоновой кости и самое богатое в мире из серебра. Откуда же это серебро? Оно все обнаружено на нашей земле.

Византийское серебро попадало в приуральские ханства (те самые, с которыми затем воевал Ермак) в обмен на пушнину. Судьба его та же, что и древних эллинских драгоценностей. В самой Византии изделия из серебра были переплавлены на монеты или расхищены. А у нас эти тончайшей работы чаши и блюда то с крестами, то с античными мотивами сохранились в складах, и их находят случайно в руслах высохших рек или во время полевых работ.

Интересно побеседовать с Ф. М. Морозовым, музейным работником, уже более четверти века работающим в Эрмитаже, где его считают исключительным «следопытом». Обезымы Приуралья его особенно привлекают. Какая радость напасть на след давней находки, обладатель которой даже не знает, как она попала к нему и какую представляет ценности! Так, у древней старушки Ф. М. Морозов обнаружил серебряный византийский ковшик (ныне одно из прекраснейших украшений эрмитажного собрания), который служил ей кормушкой для кур, а у какого-то уфимского жителя — сасанидское блюдо, с которого тот привык есть пельмени...

На лондонской выставке иранского искусства в 1930 году сасанидское серебро из Эрмитажа произвело настоящую сенсацию. Газеты писали, что Эрмитаж как бы вновь открыл миру замечательное искусство, памятников которого почти не осталось вне пределов Советского Союза.

Сасанидская династия, правившая могущественной Иранской державой, славилась своей роскошью и великолепием. Серебряная посуда нагромождалась целыми горами у иранских царей и феодалов. Все это опять-таки было впоследствии переплавлено или расхищено. В самом Иране сохранилось не более десятка сасанидских сосудов; единичными образцами гордятся некоторые зарубежные музеи. А у нас, в Эрмитаже,

их несколько десятков, то есть несравнимое богатство, без которого вообще нельзя было бы составить себе представление об искусстве Ирана III—VII веков нашей эры.

Цари, охотящиеся на львов или газелей, мифические существа, скачущие кони, пиршества, танцовщицы — все сцены, исполненные торжественности и динамизма, вписанные с поразительным мастерством в круг или гармонически охватывающие контуры сосуда, — вот что являет нам это знаменитое собрание, гордость Эрмитажа.

И все это — находки в том же Приуралье, Прикамье, на Украине, куда сасанидское серебро тоже привозилось в обмен на меха и где оно сохранилось вкладах часто вместе с византийской утварью.

Собрание искусства стран халифата: Ирана со времени арабского завоевания, Египта, Сирии, Ирака, Турции — тоже одно из лучших в мире. Изразцы и сосуды, многоцветная керамика, серебро и бронза, тончайшие миниатюры, богатейший подбор иранских ковров, замечательная коллекция оружия (многое было приобретено в дагестанских аулах, куда эти предметы в свое время попали из Персии). Яркость красок, блеск металла, пышность и изысканность восточных узоров воссоздают в этих залах фантастический и чарующий мир арабских сказок.

Искусство великого китайского народа от XIV века до н. э. представлено в двадцати двух залах Эрмитажа. При этом в особом зале показано искусство периода национально-освободительной борьбы, а в другом, как бы завершающем экспозицию, яркое искусство Китайской Народной Республики. Среди памятников великого китайского искусства прошлых веков выделяется уникальное собрание прекрасно сохранившихся шелковых тканей с изображением воинов, коней, птиц, плодов, деревьев, а иногда и целых ландшафтов: все это замечательные образцы изобразительного искусства, созданные около двух тысяч лет тому назад. Другое уникальное собрание — стенная роспись и прочие памятники средневекового Синьцзяна, многоплеменной окраины Китая, создавшей очень своеобразную культуру; большие храмовые росписи производят величественное впечатление, развертывая целую вереницу монументальных буддийских изображений.

...Честь раскрытия древнего, домусульманского мира Средней Азии, которым в старой России почти не интересовались, принадлежит советским археологам. Этот мир Хорезма, Греко-Бактрийского царства, парфян, согдийской культуры, могущественной Кушанской империи, огромных земель, которые составляют сейчас территорию пяти советских союзных республик, предстает перед нами во всей сложности скрещивающихся в нем влияний и социальной борьбы.

Знаменитый Айртамский каменный фриз (Кушанская эпо-

ха, I век н. э.). Наилучший из сохранившихся его фрагментов был случайно найден в 1932 году пограничниками в водах Аму-Дарьи. На нем изображены полуфигуры юношей и девушек между листьями аканфа. Прекрасен образ арфистки, задумчиво перебирающей струны. Этот фрагмент — самый замечательный памятник неведомого до наших дней среднеазиатского эллинизма.

Фрагменты стенной росписи из Варахши в Бухарском оазисе, открытые при раскопках дворца местных правителей (VII век н. э.): воины на слонах, покрытых попонами, охотятся на фантастических зверей. Это — красочное, величественное и ярко декоративное искусство согдийцев, предков современных таджиков и узбеков.

Фрагменты стенных росписей храмовых зданий Пянджикента — это тоже согдийское искусство. Росписей во много раз больше, чем в Варахше: ими покрыты десятки залов, раскопки которых далеко не закончены.

Предметы из согдийского замка на горе Муг (Таджикистан). В 1933 году на выбитом козами склоне горы обнажился край корзины из ивовых прутьев с древними рукописями; пастух отнес ее в районный центр. Снаряженная вскоре археологическая экспедиция раскопала замок, обнаружила капитального значения документы на согдийском языке, оружие, ткани, посуду.

Очень интересно побывать в реставрационной мастерской Эрмитажа, специально предназначенной для древней стенной живописи. Ее руководитель П. И. Костров сейчас посвятил себя целиком пянджикентскому ансамблю. Им разработан новый способ обессоливания этих памятников, извлеченных из-под земли, где они пробыли тысячу двести лет. Вот еще не тронутые реставрацией фрагменты. Живопись дошла до нас в самом ветхом состоянии. Росписи доставляются с места раскопок в эрмитажную мастерскую для реставрации и схематической реконструкции пробелов, требующей тщательного анализа и большого художественного чутья. Когда из этой мастерской вы снова попадаете в выставочные залы, вам становится ясно, какую нужно проделать огромную работу, чтобы роскошная декоративная живопись Пянджикента и Варахши высвободилась из руин и заиграла своим самобытным блеском.

Культура Средней Азии после торжества ислама представлена в Эрмитаже великолепными памятниками, свидетельствующими о высокой художественной одаренности ее народов. Мир Востока сверкает здесь в сказочной пышности дворцов, мечетей и мавзолеев Самарканда и Бухары.

Экспозиции раздела культуры и искусства Кавказа находятся в периоде реорганизации: прекрасные собрания худо-

жественных памятников Грузии, Армении, Азербайджана, Дагестана, Осетии еще не выставлены для обозрения.

Особый зал посвящен Урарту, древнейшему государственному образованию на территории Советского Союза. История его и культура впервые изучены советским археологом Б. Б. Пиотровским. На холме Кармир-Блур он откопал урартскую крепость «города бога Тейшебы». Культура мощного рабовладельческого государства, во многом напоминающая ассирийскую, раскрывается перед нами в бронзовых фигурах фантастических существ, шлемах, колчанах с изображением воинов и колесниц.

В начале VI века до н. э. эта цитадель была разрушена и сожжена скифами. Б. Б. Пиотровский рассказывает о штурме ее во всех деталях: когда он начался, сколько продолжался, какое было направление главного удара, что стало с жителями города и что нашли в нем победители. Все эти сведения — плод многолетнего изучения материала, обнаруженного в земле. Вот, например, как удалось установить время года, когда урартская крепость трагически окончила свое бытие: хлеб был уже убран, но виноград еще не созрел, в пучке сохранившейся травы оказались цветы конца июля — первой половины августа.

Б. Б. Пиотровский слегка ударяет рукой по бронзовой чаше, выставленной на стенде: глубокий, торжественный звук проносится по залу.

— Да, это замечательное звучание, — говорит он, — звучание Урарту!

И так же увлекает своим воодушевлением, вдохновенной работой в эрмитажной сокровищнице культуры заведующий отделом нумизматики А. А. Быков.

Собрание этого отдела — одно из самых значительных в мире. Представлены все страны и все эпохи. Особенно же богат восточный отдел.

А. А. Быков вынимает ящик с монетами, на которых ясно различимы арабские письмена.

— Это куфи, — говорит он, — особый вид арабского письма, при этом цветущий куфи, самый красивый по почерку. Нет богаче нашей коллекции куфических монет. И мы вовсе не собирали их в арабских странах, где такие монеты были переплавлены несколько веков тому назад, — мы находим их в кладах, в могильниках Новгорода и Пскова, во всех местах, через которые проходили торговые пути из России на Восток. Родина же этих монет — Передняя Азия, где они были в обращении с конца VII до начала XI века. Наши купцы получали их за пушнину, и у нас они тоже служили ходячей монетой,

Отдел истории русской культуры — самый молодой в Эрмитаже (открыт в 1941 году). Задача его организации ясна:

в крупнейшем советском музее мировой культуры должна быть представлена и великая культура русского народа.

Русская культура IX — середины XII века. Собрание русских древностей, включающее такой шедевр, как фреска «Святой Николай», не уступающая лучшим эрмитажным образцам западноевропейской средневековой живописи. Материалы по истории русской культуры конца XVII — второй половины XVIII века. Великолепный бюст Петра I работы Растрелли и мозаичный его портрет работы Ломоносова, портреты кисти Левицкого и Боровиковского, станки, сконструированные Нартовым, и знаменитые часы «яйцевидной фигуры» работы Кулибина, русские шпалеры и русский фарфор, рисунки и чертежи крепостных мастеров. Русское серебро XVII — начала XX века, в том числе огромная серебряная гробница Александра Невского. Малахитовый зал (где 25 октября 1917 года заседало в последний раз Временное правительство) с образцами малахитовых изделий русских мастеров. Выставка «Героическое военное прошлое русского народа» с батальными картинами, знаменами, реликвиями Петра, Суворова и Кутузова. Галерея Отечественной войны 1812 года. Георгиевский зал с картой Советского Союза из уральских самоцветов, исполненной в 1937 году.

Русский отдел будет значительно расширен, доведен без пробелов до наших дней.

* *
*

В заключение подчеркиваем одну особенность, отличающую наш знаменитый музей от ряда других в Европе и Америке. Грандиозные собрания Эрмитажа составились не в результате захвата художественных памятников, принадлежащих другим народам (не в пример Бонапарту русские полководцы не вывозили художественных сокровищ из чужих стран), или использования экономической зависимости других государств либо их временных финансовых затруднений (что часто составляет источник обогащения американских музеев).

Собрания Эрмитажа — это плод культурного общения России с другими народами и государствами, общения, часто выливавшегося в поощрение их национального художественного творчества, плод просвещенного, кропотливого собирательства и упорных археологических изысканий на нашей земле, сохранившей в силу особых, указанных выше причин драгоценные памятники чужих культур, попавшие на эту землю в обмен на труд ее населения и ее природные богатства.

10 коп.

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ!

В 1961 году по VI серии (литература и искусство) изданы следующие брошюры:

- Л. Фоменко. В великом потоке.
Э. Боровик. Рабиндранат Тагор.
Н. Самойлова. А. В. Луначарский — борец за советское искусство.
В. Галинис. Пятрас Цвирка.
М. Поляков. Великий кобзарь.
И. Игнатьева. Сергей Бондарчук.
С. Фрейлих. Искусство экрана.
Э. Османова. Мирзо Турсун-заде.
Л. Осповат. Говорит Латинская Америка.
У. Гуральник. Смех — оружие сильных.
В. Кулешов. Виссарион Белинский.
В. Конен. Современная музыка буржуазного Запада.
А. Кенигсберг. Ференц Лист.
А. Гершкович. Шандор Петефи.
В. Клюев. Бертольд Брехт — новатор театра.
Г. Абрамович. По законам красоты.
А. Белецкий. Максим Рыльский.
А. Гастев. Мартирос Сарьян.
Д. Сарабьянов. Валентин Серов.
Л. Саратовская. Ночь сменяется рассветом.
А. Клинчин. «Дом Островского».
А. Ларин. Литература крылатой мечты.
В. Прокофьев. Современное изобразительное искусство капиталистических стран.

*НЕ ЗАБУДЬТЕ ПРОДЛИТЬ ПОДПИСКУ
НА 1962 ГОД!*

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

На год	— 1 руб. 80 коп.
На полугодие	— 90 коп.
На квартал	— 45 коп.
На месяц	— 15 коп.

Подписка принимается всеми отделениями «Союзпечати» и общественными распространителями печати.

Издательство «ЗНАНИЕ»